

УДК 141.131

*В. М. Мешков**Полтавский национальный технический университет им. Ю. В. Кондратюка
(Полтава, Украина), e-mail: slava-home50@mail.ru*

ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ СОЗДАНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЛАТОНА И СТАНОВЛЕНИИ ЕГО ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Введение. Целью статьи является исследование актуальной проблемы творческого наследия Платона исторической взаимосвязи его произведений по мере их создания. К сожалению, эта первостепенной важности работа в изучении платонизма до сих пор в значительной степени не завершена. **Материалы и методы.** В ходе исследования были использованы методы исторического и логического, эмпирического и теоретического, а также тематического и экзистенциального анализа. Разработанный К. Марксом способ рассмотрения материала в диалектической взаимосвязи исторической и логической сторон его построения существенно помогает в делах исторической реконструкции. **Обсуждение.** Свообразие эпистемологической ситуации, в которой пребывал Платон, выразилось в том, что он вынужден был исходить практически из чистого эмпирического языка наблюдения. Поэтому в своих философских исследованиях ему приходилось, проявляя недоужинные конструктивные способности, создавать из небогатого арсенала словесных средств формирующегося мирского древнегреческого языка сложные абстрактно теоретические конструкты. В истории мировой философии я не знаю более глубокого и продуктивного философа в этом отношении. В работе с платоновскими текстами следует отслеживать эти моменты. С помощью тематического подхода открылась возможность изучать становление и развитие главных тем и представлений философии Платона, разрабатываемых в его диалогах, и выстраивать их в соответствующей последовательности их создания. Поскольку произведения великого афинского мудреца в немалой степени имеют исповедальный характер, то анализ представленной в них экзистенциальной составляющей существенно помогал решению поставленной задачи исследования. **Результаты исследования.** Использование выше указанных методов позволило построить достаточно обоснованную и продуктивную версию исторической последовательности создания произведений Платона.

Ключевые слова: трансцендентальный дискурс, трансцендентальная философия, патриарх западной философии, подлинное бытие, трансцендентальное бытие, писатель-философ.

Для цитирования: Мешков В. М. Об исторической последовательности создания произведений Платона и становлении его трансцендентальной философии // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2018. – № 4. – С. 458–475. DOI: 10.15507/2078-9823.044.018.201804.458-475

© Мешков В. М., 2018

Vyacheslav M. Meshkov

Kondratyuk Poltava National Technical University (Poltava, Ukraine),
e-mail: slava-home50@mail.ru

ABOUT THE SEQUENCE OF CREATION OF PLATO'S WORKS AS HIS PROGRESSIVE ASCENT TO THE APEX OF TRANSCENDENTAL THOUGHT

Introduction. The purpose of the article is to study the actual problem of the creative heritage of Plato's historical interrelation of his works as they are created. Unfortunately, this work of paramount importance in the study of Platonism is still largely not completed. **Materials and methods.** The author used the methods of historical and logical, empirical and theoretical, as well as thematic and existential analysis. The method of considering the material developed by Karl Marx in the dialectical interrelation of the historical and logical aspects of its construction essentially helps in the affairs of historical reconstruction. **Discussion.** The peculiarity of the epistemological situation in which Plato remained was expressed in the fact that he was forced to proceed practically from a pure empirical language of observation. Therefore, in his philosophical studies, he had to display remarkable constructive abilities to create complex abstract-theoretical constructs from a poor arsenal of verbal means of the emerging secular ancient Greek language. In the history of world philosophy, I do not know a deeper and more productive philosopher in this regard. In working with Plato's texts these points should be monitored. With the help of a thematic approach, an opportunity has been opened to study the formation and development of the main themes and concepts of Plato's philosophy, developed in his dialogues, and build them in the appropriate sequence of their creation. Since the works of the great Athenian sage are to a considerable extent confessional in nature, the analysis of the existential component presented in them greatly helped to solve the research task. **The Results of the Study.** Using the above methods allowed us to build a fairly reasonable and productive version of the historical sequence of the creation of works of Plato.

Keywords: transcendental discourse, transcendental philosophy, patriarch of western philosophy, true being, transcendental being, writer-philosopher.

For citation: Vyacheslav M. Meshkov. About the Sequence of Creation of Plato's Works as his Progressive Ascent to the Apex of Transcendental Thought. *Gumanitarian : aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2018; 18(4): 458–475. (In Russ.). DOI: 10.15507/2078-9823.044.018.201804.458-475

Введение

Два предостережения, которыми я руковожусь в работе над монографией, посвященной становлению трансцендентального дискурса Платона.

Предостережение первое: Среди всех самых великих философов Платон был и есть самый великий. Он всегда был и есть первый философ в истории мировой философии. Поэтому несмотря на твои отчаянные потуги, посмотреть на него свысока не получится. Неважно, читаешь ли ты его диалоги в XVII, XIX или XXI в., начинающий

ты философ или обласканный регалиями, заслуженный и маститый профессор или академик, написавший множество трудов и статей. Никогда ты не сможешь догнать платоновскую мысль, потому что твои мысли всегда будут проще и примитивнее. Проглоти этот добрый совет, смиришься с этим и живи дальше, зная свой более низкий по сравнению с платоновским шесток.

Г. Гегель придерживался другого подхода в изучении творческого наследия Платона. В лекциях по истории философии он призывал: «Мы должны стоять выше

Платона, т. е. мы должны знать потребность мыслящего духа нашего времени» [1, с. 123]. Г. Гегель полагал разработанную им философскую систему самой высокой и последней вершиной в мировой (западной) философии. Поэтому он рассматривал философию Платона как одну из ступенек к возвышающейся над всеми собственной философии. С высоты начала XXI в. чья вершина философской мысли выше – платоновская или гегелевская? Очевидно, что первая и влияние ее на развитие западной и мировой философии является неизмеримо большим. Методологическая ошибка А. Ф. Лосева, как исследователя, заключалась в том, что он полагал, что он знает платоновскую философию больше, чем сам Платон, и думает гораздо глубже, чем сам патриарх западноевропейской философии. Поэтому в ходе анализа произведений великого афинского мудреца он наделал столько досадных ошибок.

Предостережение второе: Платон был самым великим чародеем среди всех самых великих. По сравнению с платоновскими забавами Леонардо да Винчи предстают детскими шалостями. Его хитроумные уловки разбросаны практически по всем его произведениям. Особенно густо усеяны ими самые знаменитые его диалоги. Он забавляется, смеется над тобой, когда ты, простой и наивный, хватаешь и заглаживаешь мыслительную наживку неисправимого на изящные шутки Аристокла. Поэтому изучая труды Учителя западной философии, следует продвигаться по платоновскому мыслительному полю с большой осторожностью, чтобы не попасть в умело расставленные ловушки. Взяв в руки его книгу, ты должен точно знать, что в ней ты не найдешь подлинный образ Сократа, ход его рассуждения или описания реальных событий его жизни. Твоему взору предстает в высшей степени умело смоделированная реальность, которая подается как яркое вы-

соко профессиональное описание событий философской жизни его главного героя. Всегда будь бдительным. Доверяй лишь тщательно проверенным историческим деталям, которые изобретательный Платон должен был использовать для достижения эффекта несомненной убедительности своего повествования.

Для меня эти два исходных требования, подобно заповедям Моисея для правоведа и иудея, стали строгим законом, которым я неукоснительно следовал в своем увлекательном исследовании философского пути Атланта древнегреческой философии. Тогда благостный Платон начал слегка приоткрывать мне свои тайны, которые по мере продвижения по тернистому пути становления платоновского трансцендентального дискурса вызвали у меня все большее восхищение и душевный трепет.

Что сделало произведения Платона столь популярными среди интеллектуальной элиты западноевропейской цивилизации на протяжении двух с половиной тысяч лет? Объективна идеалистическая философия на основе учения об эйдосах и «идеальном мире»? Диалектическое или этическое учения? Или учение об идеальном государстве? Между тем, если разбирать его оригинальные философские идеи и спекулятивные построения по отдельности, что уже давно и многократно сделано продвинутыми специалистами платонизма, то окажется, что практически в каждой из них открываются существенные недостатки и неточности. Некоторые из них в ходе собственного философского развития он подвергал основательной критике. С точки зрения современной философии религии в объективно идеалистических и теологических построениях Платон мог бы продвигаться дальше и глубже. С высоты современной философии и методологии науки трудно назвать платоновскую диалектику великим достижением философской мыс-

ли. Ее ограниченность с точки зрения научного мышления аккуратно показал еще Аристотель. По меркам методологии науки платонизм был весьма далек от идеалов и норм научного дискурса. Надо полагать, его учение о государстве со времени создания труда «Государство» вызывало больше острой критики, чем поддержки. Тогда возникает вопрос: в чем магическая тайна притягательной силы его творений, мыслей и рассуждений? Почему он самый великий, первый среди гигантов европейской философской мысли? Историческое развитие западной философии подсказывает ответ. Многие философы западноевропейской традиции (и даже ее гиганты!) чаще всего за помощью (сознательно или бессознательно) обращались к глубоким и притягательным идеям и мыслям мудрого Платона. Поэтому в их философских построениях и даже противников платонизма нередко в большей или меньшей мере выглядывают «уши» платоновских представлений как исторически изначальных.

Материалы и методы

Приступая к изучению творческого пути высокоумного Платона, предварительно следует прояснить исходные методологические предпосылки и задачи исследования, чтобы в самом его начале встать на те «рельсы», которые помогли бы по мере возможности следовать логике становления и развития платоновского философского дискурса. Для этого прежде всего надлежит изо всех сил постараться выстроить в исторической последовательности создания произведений патриарха западной философии. Меня удивляет, что эта первостепенной важности работа в изучении платонизма до сих пор в значительной степени не завершена. Нельзя считать себя знатоком платонизма, не зная пути развертывания платоновской философской мысли. А ведь она очевидно запечатлена в его философских трудах. Следует всего лишь расставить их в поряд-

ке создания, хотя, как известно, это сделать весьма непросто. Несколько успокаивает и вдохновляет на ратные подвиги мысль, что решить эту сложную задачу будет проще, чем прояснить логику становления и развития научного дискурса Аристотеля, потому что милосердный Платон нередко в своих диалогах давал подсказки, облегчающие ретроспективную работу исследователя. В то время как Стагирит ссылками на свои произведения чаще всего запускает исследователя его творческого наследия по замкнутому кругу.

Воспитанный на марксистских традициях единства исторического и логического исследования, я руководствовался при выстраивании цепи последовательного создания платоновских творений принципом развития, согласно которому в изучаемом произведении не может содержаться более зрелая, более глубокая платоновская мысль, чем в последующем. Многолетняя и плодотворная философская деятельность Платона – это многотрудный путь восхождения-творения первопрородца от низов зарождающейся философской мысли до созерцания сияющей вершины чистого, подлинного трансцендентального бытия. Каждое его творение было нелегким, порой мучительно тяжким шагом «вперед и вверх» на более высокую ступеньку трансцендентальной мысли, иногда большую или меньшую, но всегда «вперед и вверх».

Исключительно важно найти начало восхождения мыслительного пути молодого, полного творческих сил Аристокла, чтобы затем осторожно продвигаться как по ступенькам его первых диалогов по мере созревания и углубления его философской мысли. Поэтому следует постараться из числа ранних диалогов выявить первые и, таким образом, встать на пороге у входа в таинственно-прекрасное ментальное пространство мудрого чародея Платона. Тогда я бы получил конец (начало) нити полно-

го чудес мыслительного «клубка» философского мудреца из Афин. Как искать эту «первую ступеньку», которая стала первой маленькой (а, может быть, не такой уж маленькой) победой в становлении пылкого молодого еще даже не философа?

Прежде всего, следует прояснить вопрос: когда молодой Аристокл, имевший до встречи с Сократом опыт поэтического и драматического творчества, начал пробовать себя в создании произведений философского рода? Ответ напрашивается сам собой: безусловно, при жизни Учителя. Переполненный творческой энергией и необыкновенным писательским талантом на третьем десятке своего жизненного пути начинающий философ не мог сидеть с открытым ртом среди слушателей благочестивого Сократа и не пробовать писать. Принятие этого обстоятельства сразу отрезает ранние платоновские диалоги, написанные после смерти Сократа.

В поиске самых ранних (первых) диалогов Аристокла другим маркером для меня служила степень нагруженности произведения философским содержанием. Поскольку я исхожу из того, что Сократ не был неистово жаждущим познания философом платоновского типа, то в философском познании человеческой природы Платону приходилось большей частью исходить из мощного воздействия благочестивого духа Учителя, а не от его философских идей о добродетели, справедливости и др. Поэтому в первых его творениях писательский талант должен преобладать над философским. Однако в каждом последующем его диалоге философское содержание произведения должно прогрессивно нарастать, углубляться, становиться более зрелым.

Обсуждение

Приступая к изучению какого-либо диалога, я исхожу из того, что в истории мировой философии Платон был и есть самый

великий исповедник. Все его диалоги, начиная с первого, представляют собой исповедальный мыслительный поиск пытливого ума, борение и нелегкое восхождение к высотам трансцендентальной мысли. Мысли и чувства «Сократа» в каком-либо его произведении большей частью передают экзистенциальную реальность жизненного мира Платона на исторически определенном этапе его творческого пути. Платон как творец своих произведений никогда не был внешним наблюдателем философских дискуссий, происходивших в его диалогах. Принимая облик Сократа, он сам становился главным субъектом происходившего мыслительного действия. В качестве декораций он привлекал известных всем афинянам исторических лиц. Поскольку Платон был ограничен временными рамками творческой активности своего героя (приблизительно от начала Пелопоннесской войны до суда (431–399), то в своих произведениях ему каждый раз приходилось форматировать своеобразную экзистенциально-мыслительную реальность, весьма далекую от исторической. В хронотопе настоящих мыслительных событий, разворачивавшихся в диалоге, он помещал лица и их представления из других времен стремительно развивавшейся афинской жизни. Так, в диалоге «Менексен» Сократ якобы передает надгробную речь жены Перикла Аспазии (ок. 470–400), в которой упоминаются события, происходившие уже после ее и его смерти (первой половины IV в. до н. э.). Таким образом, перед читателем трудов Платона всякий раз предстает умело смоделированная экзистенциально-мыслительная реальность с причудливой синтетической метрикой. Поэтому в ретроспективном анализе философского наследия патриарха западной философии определяющим ориентиром, на мой взгляд, должна быть логика развития платоновского дискурса.

В поисках первого диалога Платона из

имеющихся в наличии его ранних творений следует также рассмотреть важное обстоятельство, существенно влиявшее на жизненные устремления и установки молодого философа, перевалившего на третий десяток жизненного пути. Аристократ Аристокл был физически крепким, полным жизненных сил молодым человеком, для которого любовные вожделения и отношения, по-видимому, временами выходили на первый план, отодвигая страсть философского познания ближе к обочине. Надо полагать, эротическая координата была важной составляющей жизненного мира не только молодого, но и зрелого мужа Платона, что в полной мере нашло отражение в его произведениях. Как мы знаем, он не только не скрывал это обстоятельство, но и весьма успешно его изучал в известных трудах. Надо полагать, умело созданные пластические картинки, насыщенные тонкими любовными переживаниями, помогали Аристоклу также решать конкретные задачи в его любовных отношениях в реальной жизни, развивавшихся во время создания произведения.

В многолетнем творчестве Платона представляется целесообразным выделить следующие периоды: литературно-философский, продолжавшийся от знакомства с Сократом и до его смерти (408–399), период странствий (398–388), раннеакадемический, продолжавшийся до второй поездки на Сицилию (387–367) и позднеакадемический (365–347).

Ранние диалоги Платона имеют исключительно важное значение в истории становления древнегреческой философии, потому что они предоставляют исследователю уникальную возможность непосредственно, экзистенциально соприкоснуться с живым, пульсирующим биением пробуждающейся философской мысли в Древней Греции. Если более ранний период становления древнегреческой философии

доступен исследователю преимущественно в виде мыслей-черепков, разбросанных по различным письменным источникам, то произведения Платона представлены не только в полном объеме. Они помещают философскую мысль в пластически-созерцательную реальность ее жизни. Великий мастер философ-писатель Платон милосердно позволяет не только осмысливать, но и мыслительно созерцать этот захватывающий процесс благодарным читателям в последующих поколениях. В ранних диалогах Платона в полном объеме открывается чудесная возможность созерцать, как с большим трудом напряженная философская мысль открывала проекцию движения в глубину плоскостной, вожделеюще-торгашеской бытовой ментальной реальности афинского общества.

Всякий раз, когда он искал общий смысл понятий «рассудительность», «справедливость», «добродетель», «мужество», он наткнулся на таинственную объективную нематериальную мыслительную реальность вечных и неизменных, как ему казалось, общих смыслов. Однако дальше продвигаться, что запечатлено в его ранних диалогах, вплоть до организации и открытия Академии ему никак не удавалось. Эта сладостно-мучительная и вместе с тем завораживающе притягательная мыслительная работа привела его к убеждению, что за этой изменчивой и неустойчивой социально-политической и духовной жизнью скрывается подлинное разумно-прекрасное бытие как ее сущностное основание. Так Платон открыл проекцию движения вглубь таинственного антропогенного бытия. Его ранние, так называемые сократические диалоги представляют исследователю увлекательную историю становления трансцендентального мышления Платона. Чтобы суметь «прочитать» ее, первоначально следует выстроить эти творения их автора в последовательности их создания, а затем

постараться, устранив наработанные годами собственные представления-заморочки о платонизме и укрепив свой дух смирением, пройти по непростому мыслительному пути молодого философа Аристокла. Тогда появляется надежда, что милосердный Платон возьмет тебя за руку и, как школьника, проведет по пути трансцендентального восхождения философской мысли, по которому он прошел ранее.

Занимаясь эпистемологическим анализом без существенного продвижения первых платоновских произведений, меня вдруг осенило, и диалоги без особого сопротивления сами стали выстраиваться один за другим. Для меня стало очевидным, что в реконструкции системы координат жизненного мира двадцатилетнего Аристокла после очаровавшей его встречи с Сократом следует исходить из того, что богато одаренный юноша был достаточно сформировавшимся писателем. К тому же, согласно моей версии образа Сократа, последний не был образцово показательным философом, каким мы привыкли его представлять с подачи Платона. Он покорила Аристокла и всех нравственно неиспорченных его слушателей непревзойденной мудростью и благочестием. К концу V в. до н. э. сама философия пребывала в стадии становления. Ни одного живого философа в Афинах не было, на которого можно было бы посмотреть и послушать. При этом прежние философы в поисках архэ и построения космологических моделей, казалось, занимались чем-то непонятным и мало интересным. Поэтому у пылкого и энергичного Аристокла по началу никаких философских амбиций не возникло. Вместе с тем у него появилась неудержимая писательская страсть запечатлеть это яркое событие в его жизни – общение с Сократом, ставшего для него образцом во многих отношениях. Это означает, что не нужно искать в первых диалогах Платона философию, а рассматривать их как худо-

жественные произведения. Были они удачными или нет.

Нельзя не отметить уникальное устройство богато одаренной души чародея и мудреца Платона. В ней разместились два симметричных брата-близнеца писатель-художник и мыслитель-философ, которые органично взаимно дополняли друг друга. Когда Платон делал свой очередной шедевр, они включались в работу одновременно – один писал левой рукой, а другой правой. Поэтому в его произведениях временами неотделимы пластически-созерцательная и абстрактно-теоретическая стороны. Хотя в различных диалогах их представленность была неодинаковой. В одних диалогах преобладала художественная сторона («Пир», «Федр»), в других («Парменид», «Софист») – спекулятивная. Однако нет такого его труда, в котором андрогинный брат не помогал бы другому.

В ходе анализа ранних диалогов Платона оказалось, что из них выбор на место первого его детища был не велик. Мне представляется, что к диалогам, написанным в конце V в. до н. э. следует отнести «Лакхет», «Лисид», «Гиппий Меньший», «Евтидем», «Ион» и «Хармид». Когда Платон писал эти творения, подходила к завершению или только печально для афинян закончилась изнурительная Пелопоннесская война. Молодой писатель Аристокл, отвлекаясь от крови, нищеты, духовно-нравственной деградации, встречавшихся на каждом шагу, поставил целью создать ментальность чистого, духовно и нравственно здорового оазиса сократовского кружка. К тому же ни он, ни Сократ, ни его благодарные ученики не могли предположить, что через несколько лет их ожидает самая большая жизненная драма, связанная с судилищем над их Учителем. Поэтому, чтобы выделить эти платоновские произведения из числа других, я их называю «солнечными».

В выделенной шестерке платоновских диалогов четыре («Лакхет», «Лисид», «Гиппий меньший», «Евтидем») имеют преимущественно художественный характер [2]. В них философские поиски молодого Аристокла были весьма неуверенны и мало продуктивны. Поэтому его первый опыт философского диалога, на мой взгляд, следует искать среди них. Не столь важно, какой из них был первым его детищем, хотя, представляется, таковым были или «Лакхет», или «Лисид». Из рассматриваемых произведений два других его творения («Хармид» и «Ион») предстают более зрелыми. Они стали философско-художественными бриллиантами богато одаренного философа-писателя Аристокла.

Диалог «Лакхет» был, очевидно, одним из первых писательских опытов Аристокла после первой встречи с Сократом в 408 г. до н. э. На это указывают многие особенности рассматриваемого произведения. В нем нет философской одержимости Сократа, стремления что-то доказать, докопаться до истины. В рассуждениях Сократа наблюдаются лишь ростки изощренных технологий «софистического доказательства» посредством манипуляции умело подобранных вопросов, требовавших кратких и однозначных ответов. Сам Сократ не выступает выделенным субъектом диалога. Творцом «Лакхета» был большей частью Платон-писатель, а не философ, который сконструировал впечатляющую зарисовку беседы умудренных жизненным и военным опытом прославленных своим мужеством афинян Сократа, Лисимаха, Никия и Лакхета. Последних трех во время написания этого произведения уже не было в живых, что могло служить для автора одним из мотивов увековечения их светлой памяти. Главной целью этого примечательно произведения было создать красивую и впечатляющую картинку неторопливой беседы прославленных защитников Афин о

военном деле и мужестве. Таким образом, диалог «Лакхет» может рассматриваться как одно из первых произведений Платона, в котором он в ходе осмысления природы мужества попытался, может быть впервые, выделить объективную разумно-прекрасную реальность и понять ее своеобразие. «Лакхет» как художественное произведение, безусловно, был большой удачей молодого писателя и, по-видимому, принес ему широкую известность среди афинян.

Диалог «Лисид», надо полагать, стал первым удачным литературным опытом Платона в жанре философского диалога. Диалог ведется от первого лица – Сократа. У начинающего Платона эта форма по началу была предпочтительной. Центральной темой этого произведения, по сути, является обсуждение чувственных взаимоотношений между влюбленными юношами и молодыми людьми. При этом в определенном смысле великовозрастный Сократ временами занимался совращением юного красавца Лисида, воспитанного богатыми родителями в строгих правилах. Сократ же, исходя из упрощенно понимаемого счастья как «исполнения всех желаний» или «делать все, что вздумается», ненавязчиво подвергал осуждению справедливые и разумные ограничения родителей Лисида, чтобы воспрепятствовать нравственному падению своего дитя. Если рассматривать «Лисид» как художественное произведение, то, представляется, Аристоклу в полной мере удалось передать эмоциональные переживания героев диалога, чувственно-образную динамику беседы. Таким образом, перед нами предстает Платон как один из основоположников новой древнегреческой литературы, который, в отличие от высокого стиля великих драматургов Древней Греции, «ковал» также высокую, однако гораздо более приближенную к реальной афинской жизни, новую литературу со своеобразным мыслительно-образным языком.

К числу самых первых опытов на философском поприще следует отнести и произведение Аристокла «Гиппий меньший», который, на мой взгляд, был третьим его творением, написанным в жанре философского диалога. Когда в полном философском вооружении вгрызаешься в текст этого небольшого произведения, невольно испытываешь разочарование. Философского корма в нем практически нет, разве что молодые, незрелые побеги философских мыслей. В «Гиппии меньшем» большей частью трудился Платон-писатель, создавая не без сократовской иронии весьма примечательный образ одного из самых продвинутых мудрецов конца V в. до н. э. Древней Греции Гиппия (460–399) из Элиды. Надо полагать, главной целью молодого афинского писателя, однако уже получившего литературный опыт в сложной и неведомой области, было создать достойные образы двух самых почитаемых мудрецов Сократа и Гиппия и самое сложное – сконструировать их высоко умную беседу, чтобы она представляла перед читателем как реальная и живая. По-видимому, Платон форматировал действие беседы в конце V в. до н. э., когда Сократу было за 60, а Гиппию под 60. «Гиппий меньший» внес достойный вклад в копилку нарастающей славы молодого, но уже мастерски заявившего о себе, философствующего писателя Платона.

Представляется целесообразным поставить «Евтидем» вслед за «Гиппием меньшим», потому что среди самых ранних литературных произведений Аристокла он является самым большим и более сложным по построению и содержанию. Однако отсутствие философских заделов указывает ему место перед диалогами «Ион» и «Хармид». Целью создания творения «Евтидем» определенно было показать несостоятельность ложных учителей-воспитателей молодежи, рядившихся в одежды софистов. При этом Платон отработывал технологию

описания хода софистического диалога. Следует заметить, что созданный Платоном образ Сократа в диалоге «Евтидем» не может не удивлять. В нем нет ни сократовской мудрости, ни благочестия. В «Евтидеме» он предстает каким-то неуверенным в себе, всерьез заявляющим о желании подучиться у хитроумных псевдомудрецов.

По-видимому, именно диалог «Ион» сделал начинающего писателя-философа Аристокла известным среди афинян и вызвал душевно теплую похвалу мудрого Сократа, потому что это маленькое творение не могло не затронуть поэтическую и музыкальную душу каждого, познавшего сладкие муки творческого процесса грека. В этом произведении автор высказал всего лишь одну красивую, сильную и глубокую идею, которую впоследствии многие столетия будут с удовольствием смаковать и которой будут наслаждаться не только философы, но и все творчески одаренные натуры.

Центральной идеей диалога «Ион» была мысль о природе творчества. Все, что происходило вокруг нее, было образно-мыслительным ее обрамлением и одновременно очередным опытом построения диалога. По его мнению, подлинное творчество – это не рациональное делание, не ремесленное «умение». Это чудесный таинственный процесс. По своему опыту Платон это верно знал даже при написании этого диалога. Красивые мысли и образы каким-то чудесным образом приходят Оттуда и стройными рядами ложатся в текст на бумагу. При этом ты как бы выходишь из мирского бытия, теряешь холодный «рассудок», становишься духовно «одержимым». Высшая «гармония и ритм» на время овладевают строем твоей души. Благостные Боги ведут тебя, через тебя несут в мир благо и красоту. Платон видел боговдохновенную поэтическую реальность в единстве трех взаимосвязанных составляющих: самого умоисступленного

творчества поэта, автономного «плавания» произведения и неистовых слушателей. Своим чудесным творением Платон попал в самое сердце не только афинянина, но и каждого грека. Он один из первых осмыслил и прояснил одну из главных пружин жизненного мира древних греков.

Когда именно было написано творение «Хармид»? Размышление над экзистенциальной составляющей диалога подсказывает – после 403 г. до н. э., когда гибель в бою Крития (в возрасте 53 лет) и Хармида глубоко опечалила Платона и его родственников. С болью в сердце утраты любимых близких Аристокл моделировал прелестную душевно-мыслительную реальность якобы далекого прошлого, посадив себя в обличье зрелого мужа Сократа рядом с Критием (460–403), сыном Каллесхра, двоюродным дядей Платона по матери, и Хармидом, сыном Главкона – родного брата Крития. Получается, Платон поместил Сократа (себя) в платоновское аристократическое семейство, внутри которого разворачивалась философская беседа. Поэтому беседу сопровождал и наполнял дух благородного аристократизма, что было явным вызовом настроениям распутной и необузданной демократической власти.

Центральной темой диалога «Хармид» является проблема рассудительности, казалось, простая и незатейливая. Однако делавший первые шаги в философии молодой Аристокл уже здесь проявил задатки глубокого мыслителя, когда осторожно начинал раскрывать потаенные стороны этой мыслительной реальности. Стартовой мыслительной площадкой для полного творческих сил и замыслов молодого Аристокла было понимание всеохватывающей и глубокой тайны всего сущего. Весь мир, включая природу человека – это завораживающая *terra incognita*. Практически ничего не было известно. Поэтому в своих рассуждениях следовало продвигаться с большой

осторожностью, практически наощупь. Платон избрал для своего диалога образ начинающего в философии Сократа, каким он был сам. По факту, может показаться, что диалог Платона «Хармид» является одним из неудачных его первых опытов философской работы, что, по сути, признал сам автор. Однако, если погрузиться в контекст происходивших событий конца V в. до н. э. в Афинах – духовной и нравственной разрухи, то нельзя не принять это высокохудожественно-философское произведение как несомненную его удачу, красивую и духовно чистую жемчужину.

После судилища над Сократом и его героической гибели благочестие ушло из Афин. Жить в родном городе стало еще более небезопасно. Перед взором Платона, перевалившего на четвертый десяток жизненного пути, предстала исполинская фигура Сократа. Кем он был на самом деле? К диалогам периода странствий Платона (398–388) следует отнести «Феаг», «Апология Сократа», «Алкивиад II», «Алкивиад I», «Евтифрон» и «Критон», по завершении которого у него начал прорисовываться собственный оригинальный философский подход.

В произведениях периода странствий просматриваются две траектории концептуального становления и развития философии Платона, которые целесообразно отслеживать и соответственно группировать две последовательности его творений, хотя временами они пересекались, потому что во всех них развивался образ Сократа, все более неотделимый от Платона. Центральной темой одной последовательности платоновских произведений, в которых ведущей была тема «Сократа», были диалоги «Феаг», «Апология Сократа» и «Критон». Именно в такой последовательности были написаны эти произведения. В диалоге «Феаг» он попытался осмыслить своеобразие мистической природы Гения Сократа.

В двух других диалогах Платон исследовал сущностную природу феномена Сократа в пограничной ситуации, как сказали бы современные экзистенциалисты, когда перед лицом смерти проявляется подлинная реальность всего сущего, тебя, Бога и мира. Он со всей мощью своего писательского таланта как бы реконструировал, хотя в действительности как всегда моделировал ход судебного процесса и беседу Сократа с Критоном в тюрьме после вынесения смертного приговора. Понятно, что в этих произведениях преобладали не столько философские поиски Платона, сколько экзистенциальные, подлинной правды жизни. Другие его творения «Алкивиад II», «Алкивиад I» и «Евтифрон» пронизывали усердные поиски подлинного основания всего сущего. При этом работа по прояснению образа Сократа продолжалась и даже набирала обороты.

В диалоге «Феаг» почти нет философии. Главной целью его создания в полной мере выступала задача реконструкции и осмысления мистически-экзистенциальной природы Голоса (по мнению греков, гения, выступавшего посредником между богами и людьми), сопровождавшего и оберегавшего на протяжении всей жизни афинского философа. Со слов Сократа, Голос выступал в качестве присутствующего рядом невидимого его охранника, который бдительно и непрерывно отслеживал ситуацию и сразу предупреждал Сократа о возможных близлежащих угрозах не только для него, но и его друзей-собеседников, а также об отдаленных опасностях (о гибели греческого войска в сицилийской кампании). Согласно толкованию Платона, получалось, что Гений создавал своеобразную мистическую реальность вокруг Сократа, которая потаенным образом благотворно действовала на его учеников. Согласно платоновской интерпретации, примечательной особенностью «направляющей» деятельности Гения,

являлось отсутствие высоконравственной детерминации. Получалось, что мистика Даймона имела мирской характер и вела послушного ему Сократа и его учеников к бытовым успехам и предостерегала от такого же рода жизненных неудач. Между тем вполне очевидно, что отношения Сократа и Даймона строились преимущественно на нравственной основе. Гений Сократа выступал своеобразным бдительным наблюдателем и стражем его благочестия. Он не выполнял функции Учителя, направлявшего Сократа по добродетельному жизненному пути. Его Гений строго пресекал какое-либо ослабление высоконравственной узды своего избранника. Поэтому Голос на суде молчал, потому что его подопечный во время судебного заседания вел себя безупречно благочестиво.

Из свидетельства Сократа на суде («Апология Сократа») следовало, что его отношения с Даймоном были в высшей степени непосредственными и непрерывными. Гений Сократа обращался к нему не время от времени, а присутствовал рядом (стоял за спиной!) всегда! И так на протяжении всей жизни своего подопечного! При этом он бдительно стоял на страже именно добродетели Сократа. Невозможно представить, что переживал Сократ во время судебного заседания, когда вдруг он перестал чувствовать такую близкую и привычную мистическую опору со стороны Даймона.

В «Апологии Сократа» писатель Платон создал такую яркую и убедительную пластически созерцательную картину происходившего на суде над Сократом, что многие поколения читателей этого знаменитого произведения привыкли считать ее подобием стенограммы, доносившей до них подлинные свидетельства имевших место событий на судебном заседании. В ходе анализа платоновской «Апологии» целесообразно сопоставлять ее содержание с соответствующими фрагментами «Воспо-

минаний о Сократе» историка Ксенофонта, что позволяет прояснить не только ход судебного разбирательства, но и характер моделирования Платоном происшедшего, без которого афинский писатель-философ ничего творить не мог. Эти два важных письменных источника различаются в трактовке образа Сократа. Судя по всему, «Апология Сократа» была написана Платоном по горячим следам вскоре после отъезда из Афин. Исследователи полагают, что Ксенофонт писал свой труд тремя десятками лет позже, когда значимость рассматриваемых событий существенно прояснилась.

По версии Платона, в самом начале защитительной речи Сократ зашел издалека. Он обращался не к своим конкретным обвинителям, а к тайным и явным противникам-обвинителям афинянам, которых, по его мнению, было множество. Оказывается, согласно Платону, Сократ добрую половину жизни находился в перманентном состоянии тлеющего конфликта с многими своими недоброжелателями-афинянами, которые, по сути, служили социальным первоисточником выдвинутых обвинений. Сократ утверждал, что виной всему стала некая «мудрость», которой он таинственным образом обладал. Известие о том, что Пифия назвала его самым мудрым среди афинян, существенно переменяло жизнь сына Софрониска. Из представленной речи Сократа следует, что из-за высказывания Пифии, которая обычно вещала весьма неопределенно с глубинным подтекстом, он стал вести себя неадекватно. Он стал приставать с лукавыми вопросами к самым уважаемым политикам, поэтам, ремесленникам и другим, стремясь всем показать их никчемность, при этом не проявляя собственной мудрости. Забросив домашние дела, Сократ, по сути, превратился в назойливого зануду, в человека немного не в себе. В сложившемся контексте событий «сократовская ирония» выглядела родом сумасше-

ствия. У меня подобная картина происшедшего и представленный образ Сократа вызывает сильные сомнения, потому что в подобном изображении не просматривается ни действительной мудрости, ни образцового благочестия великого афинского деятеля. К тому же подобная трактовка образа Сократа и его поведения не находит подтверждения во всех других платоновских диалогах, в которых перед нами предстает действительно мудрый, уравновешенный и доброжелательный мыслитель.

Однако ниже, отказом от упрощенной схемы поведения Сократа в логике «сократовской иронии», Платон развязал себе руки как могучему писателю. Опровергая несправедливые обвинения Сократа в развращении молодежи, Платон и Ксенофонт воссоздавали образ безупречно благочестивого Сократа. В этом впечатляющем произведении великий писатель и глубоко мыслящий философ Платон убедительно показал читателю бесстрашного и непоколебимого Сократа, которому пришлось в смертельно опасных ситуациях не один раз отстаивать приоритет своих высоких принципов подлинного благочестия. Поскольку описания безупречно благочестивой жизни Сократа Платона и Ксенофонта в этой части практически совпадают, то следует полагать, что представленные ими реконструкции добродетельного Сократа воссоздают его подлинный облик.

По-видимому, небольшое произведение Платона «Критон» было последним среди его творений периода странствий. По духовной силе и нравственной чистоте платоновского духа оно стало одним из главных не только в рассматриваемый период, но и во всем разнообразном творчестве патриарха древнегреческой философии. Задолго до философов и писателей-экзистенциалистов XX в., Платон на нескольких страницах впервые в мировой философии и литературе предельно эмоционально и психологически

точно и аккуратно описал пограничную жизненную ситуацию, когда перед лицом смерти (уже завтра!) следовало сделать главный выбор твоей жизни («или-или»). И этот единственно правильный выбор совершил мужественный Сократ, во всей полноте раскрывая перед читателем его глубокую правду.

Критон рассказал о готовности его друзей организовать побег и убедительно показал негативные последствия для него и его семьи, если он этого не сделает. Сократ в напряженной духовно-нравственной экзистенциальной ситуации, сложившейся после вынесения смертного приговора, когда происходила глобальная проверка на подлинность всего сущего, предлагал не заботиться о мнении большинства. Вопрос «или-или» для Сократа заключался в следующем. Какой реальности отдать предпочтение? Непосредственно воспринимаемой жизненной реальности афинского общества со всеми ее правдами и неправдами, в которую каждый был погружен с головой. Или придуманную им, которую он полагал единственно подлинной. Для него это был вопрос не для умозрительного философского размышления, а вопрос жизни и смерти, быть или не быть, который нужно было решать сейчас, в этой беседе. Перед благочестивым Сократом этот вопрос предстал не столько как вопрос существования, сколько как вопрос приоритета жизненных или духовных ценностей, которым он следовал всю свою полную испытаний жизнь. Сократ сделал решительный, без каких-либо колебаний выбор, который, как показала не только дальнейшая афинская история, но и история всей западноевропейской цивилизации, был единственно верным, одним из высших проявлений древнегреческого и мирового Духа. Таким способом Сократ подтверждал готовность пройти строгое испытание на подлинность своих взглядов, действий, всей пройденной им жизни.

В диалогах «Алкивиад II» и «Евтифрон» Платон изучил противоречивую природу

древнегреческой мифологии и пришел к удручающему результату, согласно которому боги не могут служить безупречным основанием и источником добродетели и справедливости для благочестивых греков. Поэтому Платон так напряженно, с болью в сердце искал выход из, казалось, тупиковой ситуации. Произведение Платона «Евтифрон» целесообразно рассматривать вслед за диалогом «Алкивиад II», потому что в нем просматривается существенное продвижение автора в осмыслении природы древнегреческой мифологии по сравнению с предыдущим. В небольшом творении «Евтифрон» Платон проделал важную для себя и для вдумчивого читателя мыслительную работу на весьма опасную тему, осторожно и аккуратно показав несостоятельность древнегреческой мифологии выступать в качестве прочного основания благочестия, добродетели и правосознания. Сократа уже не было в живых. Поэтому в этом диалоге облик Сократа взял на себя важную функцию прикрытия и громоотвода, отводя обвинения в богохульстве от мужественного в поиске истины Аристокла.

Примечательно, что в этом произведении он впервые высказал блестящую догадку об эйдосе как трансцендентальной реальности, безупречном основании всего сущего. То, что эта сильная и красивая идея не получила развития в диалоге, убедительно свидетельствует, что на этом раннем этапе становления его трансцендентального дискурса для него мысль об эйдосе пока представляла как перспективная гипотеза. Он ее записал, еще не имея сил для ее спекулятивного развертывания. Мысль об эйдосе, подобно сверхновой, вспыхнула и замерла на многие годы в ожидании своего часа развития и торжества.

Академический период творческой деятельности Платона открыли диалоги «Протагор», «Горгий», и «Гиппий больший». Этот блок напряженной мыслительной ра-

боты будущего патриарха западной философии завершали более философски зрелые его творения «Менон» и «Кратил». Именно в такой последовательности, создавая в 80-е гг. IV в. до н. э. одно произведение за другим, Платон поднимался все выше и выше в своей все более глубокой и проникновенной философской мысли.

В диалоге «Горгий» Платон приступил к разработке одной из важнейших тем в его философском творчестве – темы «загробного мира». Когда он не мог осмыслить какую-либо проблему средствами философского спекулятивного анализа, он пытался разрешить ее с помощью пластически созерцательного исследования. Впоследствии, когда его философская мысль созревала и приобретала доказательную силу, Платон создавал красивую и глубокомысленную философскую концепцию.

Диалог «Гиппий большой» в определенном смысле стал первой ступенькой на тернистом пути к мыслительному созерцанию сверхчувственного подлинного бытия. После этого замечательного творения Платона процесс развития его трансцендентального дискурса значительно ускорился. Средоточием всех последующих трудов патриарха западноевропейской философии была трансцендентально-метафизическая проблематика. Поэтому «Гиппий большой» может служить своеобразной границей творческой жизни Платона, отделившей период его философских странствий от стабильного развития его спекулятивной философии в стенах родной Академии, потому что в это время афинский философ впервые аккуратно и осторожно обратился к трансцендентальному анализу. В «Гиппии большом» нет ни реального Сократа, ни Гиппия. Это умело смоделированная исповедь сорокалетнего Платона о том, как он искал ответ на вопрос, что такое прекрасное. Никто до него не задавал подобного рода вопроса. Ему приходилось «выслушивать оскорбле-

ния и брань». Но «нужно было терпеть» и мужественно в полном одиночестве идти дальше. Казалось, что в этом «вечном блуждании» нет «выхода», но он, сцепив зубы, продолжал идти. Временами его настырная мысль продвигалась ползком, на время останавливаясь перед, казалось, неразрешимыми проблемами, как в рассмотренном диалоге. Однако именно преодоление этих трудностей интеллектуального роста привело его к созерцанию трансцендентального бытия не только там в сверхчувственном мире, но и его проявлений здесь, среди людей и вещей. Сверхтрудные вопросы закаляют, выковывают доблестную душу философа, а их решение делает мыслителей по-настоящему великими.

В философском наследии Платона диалог «Менон» занимает особое место. В нем он опробовал идеи, которые получают дальнейшее концептуальное развитие в построении его трансцендентальной философии. Самой главной проблемой Платона было найти соответствующие слова и представления присутствовавшему в его душе трансцендентальному чувству. В «Меноне» он потихоньку начинает трансформировать достаточно примитивную натуралистическую мифологическую реальность Аида в сторону трансцендентальности. В диалоге «Менон» Платону открылось, что Аид и бессмертные души – это особого рода чистая, объективная, духовная реальность, природа которых пока еще была ему неясна. Однако эта реальность сопричастна реальности добродетели! Отсюда следовало, что знание о добродетели проистекает не из чувственно воспринимаемой реальности и даже не от олимпийских богов, а Оттуда – из потаенной сверхчувственной загробной реальности! Если, согласно обычным представлениям о душе, она обеспечивала жизнедеятельность человека и его поведение, т. е. работала преимущественно в режиме онлайн, то неудержимый в жажде познания

Платон открыл в ней метафизическое дно. В каждом из нас! Если моя душа жила Там, то соединившись с моим телом она должна быть носительницей Того, чистого, истинного знания. Это знание уже сейчас пребывает во мне! Только я по каким-то причинам не знаю, даже не подозреваю о его существовании. Нужно постараться открыть, «пробудить» его в себе. Как и в большинстве своих диалогов, даже самых лучших, Платон не любил ставить точку. В отличие от Аристотеля, который всегда стремился к завершённому анализу, чтобы в самом его конце сказать «об этом все сказано», его исследование какой-либо проблемы никогда не заканчивалось. Для него завораживающая интрига познания всегда сохранялась, которая даже немощного почти восьмидесятилетнего старика подгоняла идти дальше и копать глубже и никогда не останавливаться, пока бьется сердце.

Высокоумный Платон в диалоге «Пир» решил рассказать грекам, разбросанным по всему Средиземноморью, о том, что такое любовь. По выстраиваемой логике и последовательности создания трудов афинского мудреца «Пир» был создан в середине 70-х гг. IV в. до н. э. и в определенном смысле знаменовал выход его автора на плато своего творческого акмэ, с которого он уже до конца своих дней спускаться не будет. «Пир» следует рассматривать в одной связке с диалогом «Федр», потому что они в исследовании природы и подлинности любви взаимно дополняют друг друга, концептуально взаимосвязаны. Поскольку «Федр» является гораздо более продвинутым в понимании экзистенциальной реальности любви и, самое главное, по пути поступательного движения к мыслительному созерцанию трансцендентального, подлинного бытия, то его создание следует ставить после «Пира».

Любовь представлялась Платону как сложное образование, которое имеет суще-

ственно различные аспекты. Идея пира, во время которого без какого-либо композиционного напряжения открывалась возможность свободного обсуждения избранной темы, была великолепной. Ясно, что в действительности подобной беседы во время симпозиума не было. «Пир» – это плод высокопрофессиональной работы достигшего зрелости таланта Платона философа и писателя. Все семь речей, приведенные в диалоге, посвященные обсуждению природы бога любви Эроса, выстроены в строго заданной последовательности, что позволило автору достаточно полно раскрыть его сущность. В определенном смысле «Пир» представляет собой первый опыт восхождения Платона к созерцанию трансцендентального бытия. В рассматриваемом произведении эта попытка представлена как восхождение к созерцанию трансцендентального прекрасного. Платон выделил следующие ступеньки восхождения: красота отдельного молодого тела – все прекрасные тела – красота души – красота нравов и обычаев – красота наук – созерцание «открытого моря красоты».

В отличие от брэнного мира подлинная красота вечна, вне временна. Она предельно абстрактна, не содержит малейших деталей («какого-то лица, рук», «знания»). Она есть «само по себе, всегда в самом себе единообразное». Таинственная и чудотворная способность этого совершенного бытия выражается в потаенном творении всего прекрасного и возвышенного. Все создаваемое им прекрасное возникает и гибнет, «а его не становится ни больше, ни меньше, и никаких воздействий оно не испытывает». Трансцендентально прекрасное само по себе «прозрачно», «чистое», «беспримесно», «не обременено человеческой плотью, красками и всяким другим брэнным вздором». Оно «божественно» [3, 211ас]. Каково его воздействие на человека, достигшего его созерцания при жизни?

После совершения этого главного события в жизни наблюдателя совершенного бытия пелена не подлинности («призраки добродетели») спадает с его не мирского взора. Он «постигает истину, а не призрак», «истинную добродетель» [3, 211e–212a].

Диалог «Федр» по праву относится к числу одних из самых знаменитых произведений патриарха западной философии. Уникальная его особенность среди всех творений афинского мудреца заключается в непревзойденном гармоничном единстве пластически созерцательной и спекулятивной сторон произведения. Центральной темой данного труда является тема «любви», которая во время его написания в жизненном мире самого Платона, по-видимому, занимала одно из центральных мест. Поэтому в вопросах любовных отношений между мужчинами он был самым большим специалистом. А при наличии большого писательского и философского таланта никто, кроме Платона, эту тему раскрыть более глубоко и всесторонне не смог бы. Однако главным достижением этого платоновского творения было существенное продвижение автора в создании трансцендентальной философии. В диалоге «Федр» Платон предпринял первую попытку описания подлинной, божественной, возвышенной реальности, расположенной на самом краю небес космоса. Из-за чувственно-вождеющей, порой безнравственной деятельности олимпийских богов древнегреческой мифологии он ранее пытался переосмыслить в трансцендентальном направлении загробный мир Аида («Горгий»). В рассматриваемом диалоге Платон стремился «высветлить» пространство божественного бытия, создавая его пластически созерцательную разумно-добродетельную картину.

В философском поиске среди всех дорог Платон всегда предпочитал искать совершенную, трансцендентальную. Согласно трансцендентальной философии Платона,

самой верной тропинкой, ведущей прямо и непосредственно к созерцанию сверхчувственного бытия, является не мирское прекрасное, возвышенное и неизъяснимое чувство красоты. Среди всех мудрецов всех времен и народов Платон был первым, кто утверждал, что чувство прекрасного имеет не мирской, а трансцендентальный источник. В настоящее время исключительно важно, чтобы люди знали и помнили это. Мирская красота всякой вещи или любимого человека переменчива и не долговечна. Поэтому она не подлинна и не имеет высокой цены. Лишь то творение рук человеческих является подлинно прекрасным, если оно содержит в себе трансцендентальное основание прекрасного. В любой вещи и в самом человеке столько прекрасного, сколько в нем чистого, разумно-добродетельного духа. Если Колумб, претерпев множество испытаний в морском путешествии через Атлантику, открыл Америку, то Платон, сидя в стенах своей Академии в Афинах, открыл для западноевропейской цивилизации нечто гораздо более важное и значимое – подлинное, сущностное, вечное бытие чистого Духа. Поскольку он был первопроходцем, то лишь ему открылась возможность насыщаться непосредственно созерцанием трансцендентальной красоты. Однако после него росла и приумножалась когорта верных его последователей философов, поэтов, скульпторов и художников, композиторов и других, которые своими выдающимися произведениями существенно расширили и преобразили чистое и возвышенное ментальное пространство западноевропейского Духа. Именно трансцендентальное бытие на протяжении тысячелетий было главной опорой жизненного мира европейцев, которое милосердно питало их чистым разумом и высокой моралью, а в периоды кризисов спасало, вытягивало их из грязной и кровавой ямы необузданной чувственности. Складывается впечатление,

что нынешняя «Европа» лишилась своего трансцендентального основания и стремительно размазывается по мирской поверхности. Слабо успокаивает мысль, что этот духовный и культурный кризис, будем надеяться, носит временный характер.

Всякий материальный предмет прекращен лишь в той мере и настолько, сколько в нем содержится трансцендентальное совершенство будь то человек, музыкальное, поэтическое, художественное, научное, ремесленное произведение и др. Трансцендентальная красота – это самый последний предел совершенства, дальше которого ничего нет. Трансцендентальная красота выступает последним основанием всего сущего. Поэтому Платон, когда в своих рассуждениях достигал прекрасного, неизменно останавливался, потому что он приближался к предельной цели или достигал фундаментального основания мысли. Из всех мощнейших идей Платона для меня его мысль о трансцендентальной природе красоты самая великая и самая притягательная. Примечательно, что Аристотель, не воспринимавший и отрицавший трансцендентальную философию Платона, в своих строгих дедуктивных рассуждениях поступал таким же образом. Когда его мысль подходила к тому, что он мыслил, как прекрасное, он также неизменно останавливался, справедливо полагая, что предельная цель или предельное основание достигнуто.

Уподобив душу «соединенной силе крылатой парной упряжки и возничего» Платон придумал достаточно продуктивный образ, который в его учении о душе выполнял функцию мыслительного конструкта, призванного понять и пояснить деятельность взаимосвязанного целого разумного, добродетельного и животного составляющих в душе человека. Представление Платона о душе как «колеснице» служило достаточно эффективным способом объяснение переменчивой жизни любовных страстей.

Разработанная Платоном мыслительная конструкция души позволяла ему более глубоко изучать внутреннюю жизнь человека, видеть то, что другие уже после него (даже продвинутой Аристотель) не видели.

По-видимому, в конце 70-х гг. IV в. до н. э. Платон приступил к работе над диалогом, который он решил назвать «Филеб». К этому времени он прошел практически весь трудный и тернистый путь к мыслительному созерцанию трансцендентального бытия. В этом произведении перед Платоном стояла задача не столько продвинуться и подниматься выше к последним высотам трансцендентального Духа, сколько прояснить, систематизировать то, что он уже с таким трудом наработал. В «Филебе» антропологическое учение патриарха западной философии получило наибольшее развитие. В этом замечательном творении Платон всячески стремился выявить и описать комплекс душевных состояний, что соответствует нашим представлениям о субъективной реальности. В жизненном мире человека автор «Филеба» открыл измерение в глубину его прошлой жизни. Человек предстал как сложная, многомерная реальность, как не только плоскостная реальность, функционирующая в режиме онлайн непосредственных чувственных восприятий, но и как носитель своего прошлого опыта, без которого он превращался бы в моллюска. То, что совершал высокоумный и напористый Платон в этом диалоге иначе как подвигом не назовешь. Он открыл субъективную реальность! Хотя все же подавал ее как-то по-объективистски, в полной мере показывая ее своеобразный характер. Он не помещал себя как субъекта внутрь ее и не провозглашал ее, подобно Будде, что лишь она подлинная, а все остальное, что называется миром, требует доказательства и обоснования. В диалоге «Филеб» Платон показал мастер-класс спекулятивного анализа, в ходе которого он существенно продвинулся

в понимании подлинного бытия. Одним из наиболее значимых достижений афинского философа в этом творении был глубокий анализ человеческой субъективности.

Диалог «Федон» – своеобразная вершина в трансцендентальной философии Платона. Диалоги «Пир», «Федр», «Филеб» и «Федон» представляют собой своеобразную летопись становления трансцендентального дискурса Платона. Именно в такой последовательности они были написаны. Основанием для такого достаточно уверенного заключения служит степень развития платоновской философской мысли. Каждый из этих диалогов служил как бы ступенькой восхождения к сияющей

духовно-нравственной вершине, которую представляет «Федон». Между ними отчетливо прослеживается ценностно-мыслительная связь.

В представленной статье я пробежал по ступенькам восхождения Платона к вершинам трансцендентальной мысли. В монографии «Трансцендентальное мышление Платона», над которой я работаю в настоящее время, изложенные положения подкреплены добротным эпистемологическим анализом его произведений. Во второй половине 60-х гг. IV в. до н. э. после второй сицилийской поездки в творчестве Патриарха западной философии будет развиваться другая история.

Библиографический список

1. Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. – СПб. : Наука. Санкт-Петербург. отд-ние, 1994. – Кн. 2. – 423 с.
2. Платон. Сочинения : в 3 т. – М. : Мысль, 1968. – Т. 1. – 624 с.
3. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.

Поступила 20 мая 2018 г.

References

1. Hegel G. V. F. Lectures on the History of Philosophy. Saint Petersburg, 1994; 2, 423 p. (In Russ.)
2. Plato. Works. Moscow, 1968; 1; 624 p. (In Russ.)
3. Plato. Collected Works. Moscow, 1990; 1, 860 p. (In Russ.)

Submitted 20.05.2018.

Сведения об авторе

Мешков Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Полтавского национального технического университета им. Ю. В. Кондратюка (Украина). Область научных интересов: тематический анализ осевого времени, русской и украинской культур. Автор более 90 научных и учебно-методических работ, в том числе 2 монографий, 1 учебника (в соавторстве) и 2 учебных пособий (в соавторстве).

E-mail: slava-home50@mail.ru

About the author

Vaycheslav M. Meshkov – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Social and Political Disciplines, Kondratyuk Poltava National Technical University (Ukraine). Research interests: thematic analysis of axial time, Russian and Ukrainian cultures. The author of more than 90 scientific publications, including 2 monographs, 3 textbooks.

E-mail: slava-home50@mail.ru